

ДРУЖБА СЪ ПРИРОДОЙ

РАЗСКАЗЫ

АНГЛИЧАНКИ ЭЛИЗЫ БРАЙТВИНЪ

ВЪ РУССКОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ

Дм. КАЙГОРОВОА

со многими рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ИЗДАНИЕ А.С. СУВОРИНА

1897

СОДЕРЖАНИЕ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.....	3
РУЧНЫЕ БАБОЧКИ.....	5
ЖАБА ИЧА.....	8
УМНЫЙ СКВОРЧИКЪ.....	9
КРОТЪ.....	17
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОПОЛЗНЯ.....	19
КОРМЛЕНИЕ ВОЛЬНЫХЪ ПТИЦЪ ЗИМОЙ И ЛѢТОМЪ.....	24
СИНИЦЫ.....	28
БѢЛОЧКИ.....	32
МИЛАЯ ЗЕЛЕНУШКА.....	34
ВОДЯНЫЯ КУТОРЫ.....	37
СВЯЩЕННЫЙ ЖУКЪ.....	39
О МАЛИНОВКАХЪ, КОТОРЫХЪ Я ЗНАЛА.....	42
ПАУКИ.....	46
ГОЛУБКА «СНЕЖИНКА».....	48
УХОВЕРТКА-МАТЬ.....	50
МОЛОДАЯ КУКУШКА.....	52
МУРАВЬИНЫЕ ЛЬВЫ.....	54
СОЙКА.....	56
МОИ УЛИТКИ.....	58
ДИКІЯ УТКИ.....	59
ПРИРУЧЕНИЕ НАШИХЪ ЛЮБИМЦЕВЪ.....	61

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

АНГЛИЧАНКА Элиза Брайтвинъ написала рядъ рассказовъ о своей дружбѣ съ различными животными — птицами, звѣрьками и даже насѣкомыми, которыхъ она приручала къ себѣ лаской и любовью¹. Многіе изъ этихъ рассказовъ такъ хороши, интересны и поучительны, и проникнуты такою теплою, неподдельною любовью къ міру бессловесныхъ живыхъ существъ, что у меня явилось желаніе изложить ихъ на русскомъ, языкѣ для того, чтобы сдѣлать ихъ доступными и для русскихъ читателей, среди которыхъ находится такъ много друзей природы и любителей животныхъ. Изложеніе это сдѣлано мною по нѣмецкому изданію и снабжено нѣкоторыми необходимыми дополненіями и примѣчаніями.

Въ предисловіи къ своимъ рассказамъ, Элиза Брайтвинъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Какъ часто я желала подѣлиться съ другими тѣмъ счастьемъ, которое доставило мнѣ въ моей жизни изученіе природы!»

«Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ мои близкія отношенія въ міру животныхъ служатъ для меня источникомъ радости, и при моемъ плохомъ здоровьѣ — утѣшеніемъ и успокоеніемъ».

«Я должна сознаться, что требуется много терпѣнія и неутомимой заботливости, для того, чтобы приручить совершенно дикое живое существо. Полный успѣхъ въ этомъ достигается, обыкновенно, лишь въ томъ случаѣ, когда ирирученіе начинается съ самыхъ первыхъ дней жизни приручаемаго животнаго — прежде чѣмъ оно успѣетъ узнать всю сладость свободы».

«Иногда я удерживала у себя то или другое животное лишь нѣсколько дней — только для того, чтобы съ нимъ ознакомиться или сдѣлать съ него нѣсколько рисунковъ. Остальные же мои питомцы, за исключеніемъ чужестранныхъ, воспитывались мною большею частью съ первыхъ же дней появления ихъ на свѣтъ Божій. Этому немало благоприятствовало мое, почти постоянное, страданіе безсонницей, въ ранніе утренніе часы, такъ какъ кормленіе гнѣздовой молодежи — въ особенности птенчиковъ — должно начинаться, какъ извѣстно, съ самаго ранняго утра. Такимъ образомъ, многіе тяжелые часы моей жизни были скрашены радостью наблюденій надъ тѣмъ или другимъ изъ моихъ любимчиковъ».

«Я убѣждена, и твердо это здѣсь высказываю, что любовь къ живой природѣ должна быть гораздо болѣе развиваема, — въ особенности что касается до юношества, — чѣмъ это дѣлается въ настоящее время, и что мы теряемъ богатый источникъ возвышенныхъ

¹ Eliza Brightwen. «Wild Nature won by Kindness» — То же въ немецкомъ переводе: B. Hoffmann. «Liebe zur Thierwelt».

наслаждений, если проходимъ нашъ жизненный путь съ закрытыми передъ чудесами природы глазами, — передъ книгой, дивныя страницы которой всегда раскрыты передъ нами».

«Многія сотни людей проходятъ равнодушно и безъ всякаго интереса мимо удивительнѣйшихъ твореній одушевленной природы, — какъ будто бы этихъ твореній вовсе и не существовало на Божьемъ свѣтѣ! И не только горожане, — незнаніе ихъ еще скорѣе можно извинить, — но даже и сельскіе жители, со всѣхъ сторонъ окруженные чудесами природы, нерѣдко такъ мало знакомы съ живущими въ непосредственной ихъ близости, одѣтыми въ мѣхъ и перья, существами, что сплошь-да-рядомъ выражаютъ сильнѣйшее удивленіе, когда рассказываешь имъ самыя обыкновенныя вещи объ этихъ ближайшихъ ихъ сосѣдяхъ».

«Нижеслѣдующія страницы содержатъ въ себѣ простые, безыскусственные рассказы изъ жизни моихъ маленькихъ друзей и питомцевъ изъ міра животныхъ, а также и мои личныя наблюденія надъ ними».

«Я буду сердечно рада, если эти рассказы пробудятъ въ моихъ читателяхъ, — въ особенности въ расцвѣтающей молодежи, — любовное и внимательное отношеніе къ окружающимъ ихъ живымъ существамъ».

Такъ говоритъ Элиза Брайтвинъ, и мнѣ остается только всецѣло присоединиться къ высказаннымъ ею прекраснымъ мыслямъ и пожеланіямъ.

Дм. Кайгородовъ.

17-го октября 1896 г. Лѣсной.

РУЧНЫЕ БАБОЧКИ.

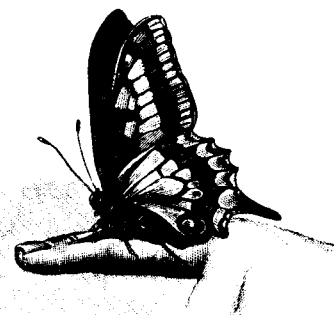
ДНИМЪ выдающимся скульпторомъ не такъ давно, была сдѣлана мраморная статуя, изображавшая красиваго ребенка, на вытянутой рукѣ котораго сидѣла бабочка. Многіе критики указывали на такое положеніе, какъ на невѣроятное. Поэтому, можетъ-быть, будетъ не безынтересно, если я сообщу изъ моего личного опыта нѣкоторые факты, которые оправдываютъ упомянутого художника.

Однажды лѣтомъ я внимательно слѣдила за постепеннымъ развитіемъ нѣсколькихъ куколокъ бабочки махаона². Двѣ изъ нихъ остались неповрежденными и здоровыми и мало-по-малу созрѣли до степени совершеннаго насѣкомаго. Въ одинъ прекрасный день, одно изъ этихъ прелестныхъ созданий высвободилось изъ своей оболочки, и я посадила его въ небольшую клѣтку, сплетенную изъ бамбуковыхъ палочекъ. Коверъ изъ зеленого мха и вазочка со свѣжими цвѣтами составили уютную обстановку жилища моей прелестной «Психеи».

Вскорѣ я замѣтила, что Психея съ большимъ наслажденіемъ кушаетъ медъ. Когда я капала его на листикъ, бабочка разворачивала свой спирально-закрученный хоботокъ и съ видимымъ удовольствіемъ сосала лакомую пищу. Мало-по-малу она стала настолько ручною, что безъ малейшей пугливости сидѣла на моемъ пальце. Я выносила ее въ садъ, гдѣ она совершала, недалекіе полеты, въ ту или другую сторону, но всегда возвращалась назадъ и, попорхавъ надо мною, опускалась на мой палецъ. Она прилетала ко мнѣ по своему собственному, совершенно свободному, побужденію и оставалась затѣмъ на моей рукѣ настолько долго, насколько хватало моего терпѣнія ее держать. Распластавъ крылышки, прелестная бабочка подставляла ихъ дѣйствию солнечныхъ лучей, теплота которыхъ была ей, повидимому, безконечно пріятна. Никогда я не дотрагивалась до ея крыльевъ, а потому и она держалась совершенно спокойно и не выказывала ни малѣйшаго желанія улетѣть.

Три недѣли жила моя прелестная Психея въ своемъ уютномъ домикѣ; затѣмъ существованіе ея прекратилось, — вѣроятно, вслѣдствіе достиженія положеннаго ей жизненнаго предѣла. Въ день ея смерти вышла и изъ второй куколки такая же прекрасная бабочка, которая прожила ровно столько же времени, какъ и Психея. И эта была такъ же ручна и такъ же ко мнѣ привязана, но только выказывала гораздо больше сообразительности, такъ какъ вскорѣ замѣтила, что, сложивши крылышки, можно свободно проходить сквозь промежутки между прутиками клѣтки. Продѣлавъ такой маневръ, бабочка обыкновенно летѣла къ окну, гдѣ съ видимымъ наслажденіемъ грѣлась на солнцѣ, то складывая, то снова раскрывая свои прелестныя крылышки. Она оставалась тамъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока я не подставляла ей свой палецъ, на который она тотчасъ же взбиралась и позволяла нести себя въ свой домикъ.

Необыкновенную прирученность этихъ бабочекъ я приписываю главнымъ образомъ тому обстоятельству, что онѣ находились у меня съ первой минуты своего освобожденія изъ куколки и никогда не испытывали сладости свободы.

² Papilio Machaon L.